

Мандельштам
после ареста в 1938 г.
Фотография НКВД

«Кто-нибудь кроме меня знает эти стихи? Уничтожь их немедленно. Не будь дураком, они ничего не изменят, но ты погибнешь. Обещай мне, что ты это сделаешь».

Осип Эмильевич не сдержал обещания — многим читал «контровое» стихотворение и приговаривал: «Если узнают — расстрел». Тогда-то он и сказал Ахматовой: «Я к смерти готов».

Слово произнесено. Есаул не страшен. Надо сохранить архив, и он пытается пристроить его в Литературный музей.

И ещё: надо наказать обидчика жены — Алексея Толстого. Мандельштам специально едет в Ленинград, чтобы дать ему пощёчину и немедленно вернуться.

Он умоляет Ахматову приехать — в последний раз похотать.

17 мая 1934 года. Час ночи. Стук в дверь. Бухарин, конечно, не знал о «Мы живём...». Иначе он не смог бы написать ему: «Поэты всегда правы; история на их стороне». Ахматова хлопотала, и Пастернак пришёл узнать, куда ему лучше обратиться. Мандельштам знал, что его путь на Голгофу — судьба: «Поэзию уважают только у нас — за неё убивают. Ведь больше нигде за поэзию не убивают».

Он заполнил смешную анкету на Лубянке: «Род занятий — писатель. Профессия — писатель. Социальное положение — писатель».

Допрос вёл следователь Шиваров, попросту Христофорыч. Мандельштам перечислил всех, кто мог слышать «Мы живём...», и растолковал, кто что говорил об этих стихах. Пастернак назван не был.

Следователь терялся, как назвать крамольные стихи? Мандельштам дал образец: «Являюсь автором контрреволюционного пасквиля (КРП) против вождя». Гнусный КРП. Вот оно, точное выражение — «пасквиль». Пасквиль, паскуда. Шиварову оборот понравился. На допросе Мандельштам сам написал, сам закрепил на бумаге, значит, навечно в лубянских архивах канонический текст «Мы живём...». Он ждал расстрела — и не за такое убивали. Он откровенен с Шиваровым — кто знает, может быть, спасение в предельной откровенности. Всех назвал, кому читал стихи о Сталине.

Во время допроса за дверями стоял писатель Пётр Павленко (звал себя Правленко) — он был дружен с Христофорычем. Многим рассказывал, как Мандельштам бился на полу.